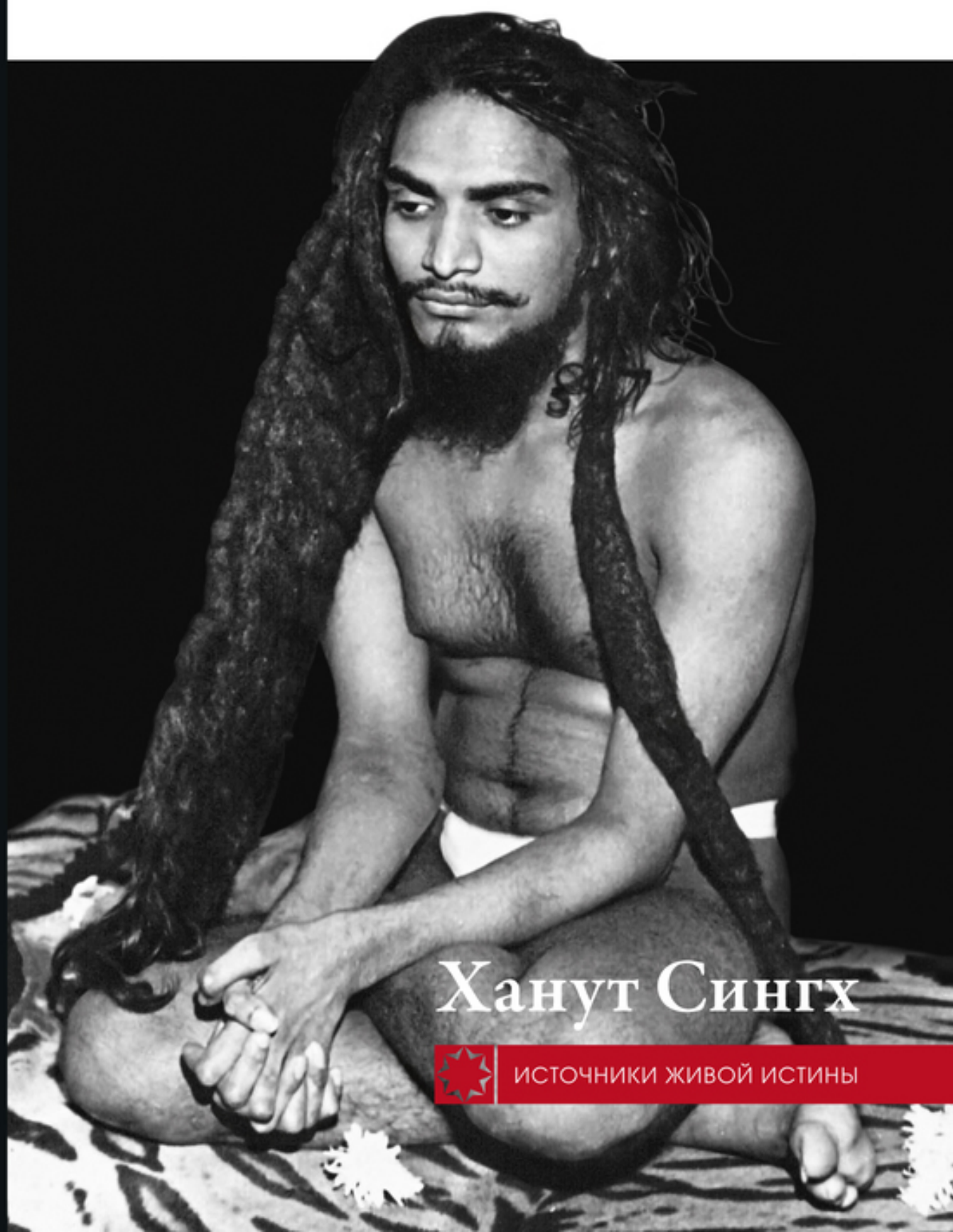

Великий йогин *Шри* ШИВАБАЛАЙОГИ МАХАРАДЖ

ЖИЗНЬ ♦ ДУХОВНЫЙ ПУТЬ ♦ НАСТАВЛЕНИЯ ПО ПРАКТИКЕ

Ханут Сингх

ИСТОЧНИКИ ЖИВОЙ ИСТИНЫ

Источники живой истины

Ханут Сингх

**Великий йогин Шри
Шивабалайоги Махарадж.
Жизнь, духовный путь,
наставления по практике**

«ИД Ганга»

1978

УДК 111
ББК 86.7

Сингх Х.

Великий йогин Шри Шивабалайоги Махарадж. Жизнь, духовный путь, наставления по практике / Х. Сингх — «ИД Ганга», 1978 — (Источники живой истины)

ISBN 978-5-9908288-7-2

Эта книга содержит подлинный и довольно подробный отчет о 12-летнем тапасе великого йогина, достигшего высшего состояния йоги, полного Освобождения, в возрасте 26 лет. Помимо этого, здесь приведены некоторые ценные практические наставления Шри Шивабалайоги Махараджа касательно дхьяна-йога садханы: приготовления для практики дхьяны, техника ее выполнения, продвижение на ее пути, указания на типичные проблемы и заблуждения новичков. Здесь также описаны: влияние трех гун на практику, восхождение кундалини-шакти, виды самадхи, тапас четырех направлений и окончательная Реализация. Книга написана легендарным генералом индийской армии Ханут Сингхом, близким учеником Шри Шивабалайоги Махараджа, – по-военному четко, по существу и очень увлекательно.

УДК 111
ББК 86.7

ISBN 978-5-9908288-7-2

© Сингх Х., 1978
© ИД Ганга, 1978

Содержание

Предисловие	6
1. Ранние годы	8
Родители	9
Рождение	10
Кончина Бхиманны	11
Детские годы в Адиварапупете	12
Сатьяраджу перебирается к мачехе	14
Возвращение в Адиварапупету	15
Снова с мачехой	17
Сатьяраджу навсегда покидает мачеху	18
Свой бизнес – табачная лавочка	19
2. Посвящение в тапас	20
Посвящение – воскресенье, 7 августа 1949 года	20
День второй – понедельник, 8 августа 1949 года	24
День третий – вторник, 9 августа 1949 года	25
Первые трудности	27
Временное прибежище в ашраме Пасалапуди	29
Буря	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ханут Сингх

Великий йогин Шри Шивабалайоги

Махарадж. Жизнь, духовный

путь, наставления по практике

Shri Shri Shri
Shivabalayogi
Maharaj

Life and spiritual ministration

Sri Shivabalayogi Maharaj Trust
Dehradun, India

*By arrangement with Sri Shivabalayogi Maharaj Trust (Ashram), 180-C Rajpur Rd.,
Dehradun, India.*

Перевод с английского Е. Мирошниченко

© Gen. Hanut Sindh. Text, 1978

© ООО ИД «Ганга». Перевод, оформление 2017

Предисловие

Предпосылкой для рождения этой книги послужили мои собственные сомнения и опасения в отношении духовного пути. Чтобы эти сомнения развеять, я задавал вопросы моему *гурудэву*, Шри Шри Шри Шивабалайоги Махараджу, и записывал его ответы. Хотя эти вопросы и ответы были ориентированы на мои личные потребности, мне подумалось, что и у других искателей могут возникнуть такие же сомнения, как у меня, а поэтому будет полезно собрать все воедино и опубликовать в виде небольшого буклета. Затем мне пришло в голову, что на его страницах, параллельно с учением нашего *гуру*, можно представить также краткий биографический очерк о Шри Свамиджи – это оживит брошюру, сделает ее более яркой и увлекательной. Я поделился своими соображениями с Шри Свамиджи. Он благословил мое начинание и любезно согласился ответить на мои расспросы о его жизни, в особенности о том периоде, когда он осуществлял *тапас*.

Так начался второй цикл вопросов и ответов. Материалы, посвященные жизни и учению Шри Свамиджи, стремительно росли в объеме, и очень скоро я понял, что маленьким буклетом дело не обойдется и, чтобы должным образом осветить предмет, придется издать книжицу. Опять-таки я поделился своими соображениями с Шри Свамиджи, и он меня благословил. Таким образом, его Милостью то, что вначале задумывалось как крошечная брошюрка, теперь выходит в свет в виде пусть небольшой, но книжки, которая повествует о его жизни и его учении.

Я не претендую на то, чтобы именоваться писателем, равно как и эта книга не является полноценной биографией. Вне всяких сомнений, в свое время какой-нибудь опытный писатель проведет всестороннее исследование жизни Шри Свамиджи и по его результатам напишет настоящую биографию Шри Свамиджи – глубокое и увлекательное литературное произведение. Но на сегодняшний день здесь зияет пробел, и я надеюсь, что его сможет заполнить томик, который вы держите в руках. Жизнь святого – это, по существу, жизнь духа. Лишь крохотную ее часть мы можем разглядеть воочию, ибо очень и очень немного происходит на виду. И познать эту жизнь духа, как правило, не удастся, поскольку *махатмы* очень редко говорят о ней, если вообще говорят. Нам остается довольствоваться лишь разрозненными фрагментами, которые мы можем составить из случайных высказываний этих Божественных Сущностей. Вместе с тем Шри Свамиджи всегда намного более открыто и откровенно, чем большинство махатм, делился с нами своими личными переживаниями, которые были у него на протяжении его долгого 12-летнего тапаса. Таким образом, главная ценность этой книги в том, что она содержит подлинный и довольно подробный отчет о тапаса великого махатмы. Помимо этого, здесь же вы найдете некоторые ценные практические рекомендации от Шри Свамиджи касательно *дхьяна-йога садханы*¹. Таковы две причины, почему данная книга окажется полезной и интересной всем духовным искателям, в частности последователям Шри Свамиджи.

Работая над книгой, я широко использовал в тексте терминологию на хинди и на санскрите². Дело в том, что религиозная терминология на санскрите поддается переводу на другие языки лишь с большой натяжкой, многие слова просто не имеют адекватных соответствий в европейских языках. Значение этих слов на хинди и на санскрите я подробно объясняю в тексте, а для того, чтобы вы могли в любой момент уточнить для себя значение

¹ Дхьяна-йога садхана – путь духовной реализации через практику дхьяны. Слово «дхьяна» обычно переводят как «медитация», однако такой перевод неполон. Мы подробно обсудим данный термин в главе 7.

² Со значениями санскритских понятий и терминов читатель может ознакомиться в глоссарии, приведенном в конце книги. Часть терминов, встречающихся по тексту, автор объясняет сам в сносках или круглых скобках. – *Прим. ред.*

каждого термина, в конце книги размещен глоссарий. Поскольку моя задача при составлении глоссария состояла в том, чтобы, прежде всего, помочь читателю понять содержание данной книги, приводимые мною толкования не всегда в точности совпадают с тем значением слова, которое вы найдете в словаре – скорее, я предлагаю общее представление о том, какой смысл вкладывается в данное слово в том контексте, в котором оно употреблено здесь.

Х.С.

24 января 1978

(День рождения Шри Свамиджи)

Поклонение Гуру

Гуру – Брахма,

Гуру – Вишну,

Гуру – Великий Бог Махешвара.

Гуру поистине – проявившийся *Парабрахман!*

Молитва Гуру

О Гуру!

От нереального веди меня к Реальному,

От тьмы – к Свету,

От смерти – к Бессмертию!

1. Ранние годы

Дракшарам – небольшая деревенька в округе Восточный Годавари, штат Андхра-Прадеш. У деревни весьма интересная история. Согласно местной легенде, в прошлом деревня Дракшарам носила название Дакшвати и именно в этом месте Раджа Дакша совершил великую *яджну* (жертвоприношение по ведическому ритуалу). В ходе этой *яджны* его дочь по имени Дакшьяни (или Сати), супруга Господа Шивы, совершила самосожжение в жертвенном огне в ответ на то, что ее отец проявил пренебрежение к Махадэву, ее мужу³. Также местное предание гласит, что здесь, в Дракшараме, великий мудрец Вьяса совершил свой тапас⁴ и обрел *сиддхи*⁵. Божеством-покровителем Дракшарама является Бхимешвар Махадэв, проявленный в форме *сваямбху-лингама* (самосотворенного каменного символического изображения Господа Шивы), известного под названием Бхимешвар-лингам. Этот *лингам* располагается в тенистой роще, где растут баньяны и мелии. Именно этот Бхимешвар-лингам не раз служил источником вдохновения для Шринатхи, знаменитого поэта, писавшего на телугу стихи, выражающие преданность Богу.

В километре с небольшим от Дракшарама, в роще из пальмировых и кокосовых пальм, располагается маленькая тихая деревушка Адиварапупета. Вдоль ее окраины протекает небольшой канал Годавари. Чтобы добраться до Адиварапупеты, нужно доехать по железнодорожной ветке Мадрас – Хаура до остановки Раджа Махиндрам (Раджа Мундхри). Далее езжайте автобусом до Дракшарама (приблизительно сорок пять километров), после чего на такси или на рикше (либо же просто пешком) до Адиварапупеты. Если же ехать на поезде со стороны Хауры, нужно сойти на станции Самалкотта и оттуда сесть на автобус до Дракшарама через Какинадугу. Расстояние до Дракшарама от Самалкотты тоже составляет около сорока пяти километров.

³ Эти и другие события из мифов о Шиве очень интересно и подробно описаны в книге Дэвдатта Паттанаика «Семь секретов Шивы», (София 2016). Прим. перев.

⁴ Религиозное подвижничество и (или) погружение в самадхи. Подробнее см. главу 7.

⁵ Духовная реализация, достижение. Также это слово означает сверхъестественные силы и способности.

Родители

Жители Адиварапупеты в большинстве своем принадлежат к сообществу деванга, чье основное занятие – ткачество. Они ткут главным образом *дохоти* и *сары* и продают свою продукцию в близлежащих городах и селах. И вот в этой деревне некогда жил человек по имени Алакка Бхиманна, который, как и большинство его односельчан, принадлежал к сообществу деванга. Он взял себе в жены женщину по имени Шраванамма из деревни Бандаруланка, расположенной приблизительно в двадцати километрах от Адиварапупеты. Но дети у них не родились, и поэтому Бхиманна с согласия Шраванаммы решил жениться еще раз. Следующей его женой стала Парватхамма – дочь Голи Сатьяма, уроженца той же деревни Адиварапупета.

Рождение

Парватхамма родила своему мужу двух дочерей и двоих сыновей. Младший из этих четверых – мальчик, который впоследствии стал известен под именем Шри Шри Шивабалайоги Махарадж, – родился 24 января 1935 года. Родители назвали своего второго сына Сатьяраджу. Когда Сатьяраджу исполнилось два года, Бхиманна и Парватхамма передали мальчика Шраванамме, у которой по-прежнему не было детей, чтобы она могла воспитать его как собственного сына.

Кончина Бхиманны

Бхиманна часто говорил Парватхамме, что их младший сын, Сатьяраджу, станет великим человеком, истинной гордостью их рода, но самому ему (Бхиманне) не суждено дожить до этих дней. Так оно и случилось. В июле 1937 года, когда Сатьяраджу было всего два с половиной года, его отец, Бхиманна, ушел из жизни. Две вдовы разъехались и вернулись в дома своих родителей: Шраванамма отправилась в родную деревню Бандаруланку, а Парватхамма перебралась в дом своего отца, Голи Сатьяма. Поскольку Сатьяраджу был слишком мал, чтобы разлучать его с родной матерью, Шраванамма оставила его еще на некоторое время с Парватхаммой. Когда же Сатьяраджу исполнилось пять лет, Шраванамма приехала за ним и забрала мальчика в Бандаруланку, чтобы растить его как собственного сына, в соответствии с давним уговором. Шесть месяцев спустя, когда Парватхамма приехала в гости в Бандаруланку, Сатьяраджу изъявил желание отправиться вместе с матерью обратно в Адиварапупету. Шраванамма дала свое согласие, и мальчик возвратился в родную деревню.

Детские годы в Адиварапупете

Как уже было сказано выше, Парватхамма теперь жила в доме своего отца, Голи Сатьяма. Голи Сатьям был человеком бедным, и теперь, когда на его плечи свалилось бремя заботы об овдовевшей дочери и ее детях, ему стало совсем трудно сводить концы с концами. Поэтому, помимо того, что Сатьяраджу по возвращении в Адиварапупету пошел учиться в деревенскую школу, ему также еще вменили в обязанность выполнять и определенную долю работ по дому. Итак, его день в детские годы выглядел следующим образом. Подъем в пять часов утра. Купание. Легкий завтрак, состоящий из риса с простоквашей. Затем до десяти часов утра Сатьяраджу трудился за ткацким станком, проворно и искусно изготавливая яркие цветные полотна, на которых специализировалась его семья. В десять часов утра мальчик перекусывал и отправлялся в школу. Занятия продолжались до четырех часов попозднее с небольшим перерывом на обед. После занятий мальчишки отправлялись гулять и были предоставлены себе до шести часов вечера, когда родные звали их по домам, на ужин. После вечерней трапезы Сатьяраджу приблизительно час проводил с бабушкой, Голи Сатьямом. Начиналась их беседа обычно с того, что мальчик рассказывал деду о событиях своего дня. Старик с живым интересом выслушивал рассказ внука, а затем не упускал возможность дать ему подходящие советы и наставления. После этого, приблизительно в семь часов вечера, мальчик либо присоединялся к семейным *киртанам*, либо, если в тот день киртаны не проводились, снова отправлялся на улицу играть с детьми. По вечерам деревенские мальчишки часто упражнялись во владении мечом или *латхи* (бамбуковый шест). Сатьяраджу относился к этим занятиям с величайшим рвением и был одним из лучших учеников.

Наконец, около десяти часов вечера, мальчик возвращался домой и ложился спать. Нужно признать, что это была нелегкая жизнь – особенно для ребенка, которому едва исполнилось шесть лет от роду, – между тем точно так же жили дети из бедных семей практически по всем деревням Индии. Такова участь бедняка.

Бедность была истинным бичом Индии на протяжении сотен лет, однако не в пример другим странам она не влекла за собой падение нравов или деградацию среди бедноты. На самом деле именно в индийских деревнях, где живут беднейшие из бедных индийцев, процветают наиболее благородные черты характера, недостаток которых так бросается в глаза в наших городах – намного более зажиточных, чем деревня. Хотя Голи Сатьям был беден, это был сильный духом старик – человек чести с развитым чувством собственного достоинства. Он неустанно поучал своих близких, в особенности малышей: «Когда вы бедны, радоваться тут нечему, однако это не порок, и стыдиться тут тоже нечего. Человеку нельзя попрошайничать, нельзя попадать в зависимость от других людей, нельзя влезать в долги. Нужно жить с достоинством и зарабатывать себе на жизнь честно – пусть даже честный путь более труден. Нужно любой ценой избегать неискренности и лжи». Сатьяраджу любил и уважал деда, и, как мы уже говорили, каждый вечер проводил некоторое время в обществе старика, благоговейно выслушивая его мирские советы и наставления. Во время этих бесед его юный впечатлительный ум жадно впитывал мудрость старика, так что Голи Сатьям оказал неизгладимое благотворное влияние на характер и мировоззрение своего любимого внука.

Сатьяраджу обожал бабушку, и Голи Сатьям отвечал ему глубочайшей любовью. Он неизменно предвещал внуку блестящее будущее. Мальчик очень доверял старику и делился с ним самыми сокровенными своими секретами. Он всегда прислушивался к советам, которые давал ему мудрый наставник, и без колебаний следовал его рекомендациям. Хорошей иллюстрацией их взаимоотношений может служить следующая история. Однажды Сатьяраджу послали в Рамчандрапурам, чтобы он выполнил там какую-то работу. Когда мальчик отправлялся в путь, бабушка сказал ему, что хотя у их семьи много родственников в Рамчандрапу-

раме, однако все они сравнительно богатые люди и, несмотря на родство, по всей вероятности, будут принимать гостей не очень-то вежливо и любезно. Поэтому мальчику следует вести себя с достоинством и не входить в их дома без приглашения. Случилось так, что Сатьяраджу закончил свою работу только около одиннадцати часов вечера. В нормальных обстоятельствах он вошел бы в дом любого из родственников, где его угостили бы сытным ужином и предложили бы постель на ночь, чтобы утром мальчик мог отправиться домой. Однако, помня наставление бабушки, мальчик, которому тогда было всего восемь лет, несмотря на неудобство, предпочел переночевать на веранде запертой мастерской – и на следующее утро чуть свет отправился домой.

Когда по возвращении мальчик рассказал об этом деду, Голи Сатьям остался очень доволен стойкостью и решимостью Сатьяраджу. Поведение ребенка в очередной раз уверило старика, что внука ждет большое будущее.

Сатьяраджу перебирается к мачехе

В январе 1943 года, когда Сатьяраджу было восемь лет, его приемная мать Шраванамма посетила Адиварапупету и с согласия Парватхаммы и Голи Сатьяма забрала Сатьяраджу к себе домой в Бандаруланку. Сатьяраджу приняли в местную деревенскую школу, и вскоре он сделался лидером среди одноклассников.

Учился мальчик увлеченно и достиг немалых успехов, однако многообещающая академическая карьера была прервана: приемная мать внезапно решила забрать ребенка из школы. Сатьяраджу очень расстроился, потому что учиться ему нравилось, но мачеха категорически отказалась отпустить мальчика в школу под тем предлогом, что ей требуется помощь по дому и сама она не справляется. Вскоре Сатьяраджу понял, что это за «помощь». Ему приходилось вставать чуть свет и садиться за ткацкий станок. Мачеха установила для ребенка производственную норму: половина сари каждый день. Нам следует помнить, что Сатьяраджу на тот момент было всего лишь восемь лет, и долгие часы работы на старом ткацком станке означали воистину непосильную нагрузку для детского организма. Как только мальчик справлялся с дневной нормой, Шраванамма отправляла его на рынок – покупать хлопок или продавать готовую ткань. А по возвращении с рынка его уже ждали различные домашние дела. Таким образом, Сатьяраджу стал просто-напросто рабом своей мачехи – ему приходилось трудиться от рассвета до заката и даже некогда было пойти поиграть с другими детьми, как это было в его родной Адиварапупете.

Помимо этого, Сатьяраджу привык питаться пять#шесть раз в день. Парватхамма всегда старалась, чтобы дети получали питательную и здоровую пищу. Шраванамма же, несмотря на то что она была даже немного зажиточнее, чем семья матери, старалась экономить на еде. Сатьяраджу вынужден был обходиться легким завтраком, а затем еще двумя трапезами, тоже весьма скудными. В результате мальчишка часто оставался голодным. Тяжелый труд в сочетании с неудовлетворительным питанием – все это негативно сказалось на физическом состоянии ребенка.

Несмотря на все тяготы, Сатьяраджу продолжал усердно работать на мачеху. Однако счастлив он отнюдь не был и часто мечтал о возвращении к маме и дедушке в Адиварапупету. Кроме всего прочего, Шраванамма приторговывала опиумом, о чем мальчик и знать не знал. Однажды сотрудникам акцизного управления донесли, что Шраванамма незаконно владеет сорока *толами* (около 480 граммов) опиума, который спрятан у нее в доме. Полицейские получили ордер и снарядили команду для обыска. Случилось так, что Сатьяраджу заблаговременно узнал об этом от кого-то из друзей. Он сломя голову бросился домой, предупредил мачеху о предстоящем обыске и потребовал, чтобы женщина прямо сказала ему, действительно ли она хранит дома наркотики. До смерти перепуганная Шраванамма призналась в своих грязных делишках и показала ребенку, где припрятан опиум. Сатьяраджу быстренько вынес наркотик из дома, и прибывшая вскоре обыскная группа ничего не обнаружила. Хотя мальчик и спас свою мачеху от ареста и унижения, тем не менее он был очень удручен тем, что она занималась такой вот противозаконной деятельностью. Он сурово отчитал женщину и пригрозил, что уйдет от нее обратно в Адиварапупету, если она не прекратит свой сомнительный промысел. У мальчика возникло ощущение, что Шраванамма раскаивается, и она даже пообещала ему прекратить торговлю опиумом, однако надолго ее не хватило. Очень скоро Сатьяраджу проведал, что мачеха взялась за старое – снова торгует дрянью. Мальчик понял, что женщина неисправима, и не захотел с ней больше жить. Шраванамму тоже стали раздражать постоянные упреки Сатьяраджу, поэтому, когда мальчик стал проситься обратно в Адиварапупету, она охотно его отпустила.

Возвращение в Адиварапупету

Сатьяраджу прожил со своей мачехой чуть более пяти месяцев. Во многих отношениях это был для него непростой период, однако мы не можем сказать, что время было потеряно впустую. Шраванамма обладала врожденной деловой хваткой, поэтому и Сатьяраджу, будучи мальчиком умным и наблюдательным, тоже сумел приобрести некоторые ценные практические навыки ведения бизнеса, в частности научился выгодно делать закупки и эффективно сбывать свой товар. В результате этого опыта он пришел к убеждению, что только через новый подход к ведению бизнеса его родные смогут скинуть оковы бедности, которые им приходилось владеть на протяжении многих поколений. Поэтому, хотя прежде мальчик был очень увлечен учебой, он не спешил вернуться в школу по возвращении в Адиварапупету. Вместо этого он решил отдать все свое время и силы, чтобы обеспечить семье достойный заработок. Он час за часом трудился у ткацкого станка, и, хотя Голи Сатьям следил за тем, чтобы его внучок не перетруждал себя, Сатьяраджу то и дело ухитрялся тайком пробраться к станку и поработать несколько дополнительных часов. Затем он брал готовую продукцию и продавал ее в деревнях, как можно дальше от дома, где удавалось получить более хорошую цену. Деньги – плоды своего труда – он отдавал маме и дедушке. В летние месяцы мальчик еще подрабатывал, торгуя шербетом и шипучими напитками. Таким образом, бедность вынудила Сатьяраджу трудиться в поте лица, чтобы зарабатывать на жизнь себе и своим близким, в том возрасте, когда более счастливые его ровесники ходили в школу или беззаботно предавались играм. Вместе с тем мы не можем утверждать, что он отдался труду без остатка и совсем не играл. Сатьяраджу был очень активным и умным ребенком, ему легко давалась учеба, и он любил игры. Хотя в силу сложившихся обстоятельств ему пришлось бросить учебу в восьмилетнем возрасте, он продолжал участвовать в играх с ровесниками и весьма преуспел в тех из них, которые требуют силы, ловкости и сноровки. С шестилетнего возраста он обучался владению мечом и латхи и ежедневно упражнялся в этом искусстве, причем занятия включали как защитные техники, так и приемы атаки. Следует отметить, что и среди товарищей по играм, и даже взрослых односельчан он заработал репутацию мальчика бесстрашного и искреннего, обладающего глубоко укорененной честностью и чувством справедливости. Все эти качества естественным образом сделали его лидером среди деревенских мальчишек. В то же время, естественно, его боялись и ненавидели люди лицемерные и лживые, потому что он беспощадно их высмеивал и без малейших колебаний публично разоблачал.

Есть интересная история из того периода, которая может служить выразительной иллюстрацией бесстрашия Сатьяраджу и его бескомпромиссной преданности истине. Дядя мальчика, который был авторитетным и уважаемым человеком в деревне, а также главой их семьи и общины, в какой-то момент стал активно общаться с неким *садху* и со временем тот сделался его гуру. Нужно отметить, что этот садху был очень хвастливым и напыщенным типом, и всякому, кто смел хоть в чем-то перейти ему дорогу, он грозил самыми суровыми карами. Одна из наиболее часто используемых угроз состояла в том, что этот садху своим проклятием превратит любого неразумного смертного, который вольно или невольно вызовет его гнев, в животное одного из низших видов. Простые деревенские жители верили в эти заявления, злобный старикашка вызывал у них благоговение, смешанное со страхом. А Сатьяраджу как-то сразу проникся антипатией к этому садху за его напыщенную и агрессивную манеру поведения и привычку сыпать угрозами. Мальчик был убежден, что садху отнюдь не обладает теми силами, которыми бахвалится, так что он пообещал себе как-нибудь разоблачить мошенника.

Однажды, когда множество людей расселись, чтобы послушать очередную хвастливую проповедь садху, Сатъяраджу спросил у него, что он сделал бы, если бы кто-нибудь стащил какую-то из его вещей. «Я превратил бы воришку в тигра», – без колебаний ответил садху. В ответ Сатъяраджу изобразил благоговейное изумление, однако ничего не сказал. Вскоре после этого садху отлучился куда-то, так что Сатъяраджу получил возможность тайком пробраться в его комнату. Там мальчишка схватил лук со стрелами и спрятал их в нише под потолком, прямо над постелью садху, после чего, никем не замеченный, выскользнул из комнаты. Вернувшись, садху очень скоро обнаружил, что лук и стрелы пропали. Он затеял целое расследование, обыскал все вокруг, но ничего не нашел. Садху вышел из себя. Старик рвал и метал, осыпая вора проклятиями и перечисляя те кары, которые тот заслужил. Сатъяраджу, наблюдавший за этим с живым интересом, в какой-то момент заявил невинным тоном, что садху обладает воистину волшебными духовными силами, а поэтому ему не составит труда найти и лук со стрелами, и злоумышленника, который их похитил. Это замечание только еще больше разъярило садху. Родственники мальчика зашикали на него и вытолкали с площадки, где проходило собрание, опасаясь, как бы ребенок не навлек на себя проклятие «мудреца».

Ярость садху все же произвела некоторое впечатление на Сатъяраджу. Ему стало все-таки страшновато, а поэтому он побежал напрямик к дедушке и честно признался ему во всем: «Я спрятал лук со стрелами. Если садху превратит меня в тигра, люди станут на меня охотиться и убьют. Поэтому, прошу тебя, свяжи меня и спрячь в доме». Голи Сатъяма вся эта история изрядно развеселила. Он посоветовал внуку не беспокоиться понапрасну, а просто наблюдать, что будет дальше. Реакция дедушки приободрила мальчика. К тому же он осознал, что прошло уже достаточно много времени, а с ним до сих пор ничего не произошло. Так что в Сатъяраджу вскоре вновь пробудилась и окрепла его прежняя убежденность в том, что этот садху – обыкновенный пройдоха. Немного спустя он явился к садху и без страха сообщил ему прямо перед лицом толпившихся вокруг почитателей, что это именно он спрятал лук и стрелы (и указал, где они спрятаны), а затем, к изумлению и ужасу присутствовавших там же родственников, потребовал, чтобы садху сейчас же превратил его в тигра, осуществляя свою давешнюю угрозу. Садху рвал и метал, но Сатъяраджу смело стоял на своем... тем не менее никаких последствий не было. Дядя и другие последователи садху, конечно же, сурово отчитали мальчика за неподобающее поведение, но важно то, что он сумел отстоять свою позицию. После того случая садху был вынужден отказаться от своего высокомерного и хвастливого поведения, он больше не мог держать деревенских жителей в страхе.

Снова с мачехой

В 1947 году, когда Сатьяраджу было двенадцать лет, его мачеха тяжело заболела. Поскольку женщина была прикована к кровати и действительно нуждалась в уходе, она послала за Сатьяраджу. Мальчик отправился в Бандаруланку и стал заботиться о больной мачехе. Вскоре женщина поправилась, но, вопреки новым своим обещаниям, вскоре снова взялась за торговлю опиумом. Хотя она пыталась скрывать это от приемного сына, Сатьяраджу очень скоро узнал о ее тайных делишках и, как и прежде, твердо выразил свое неприятие такой деятельности. Это привело к трениям и росту напряженности между мачехой и юношей, которая усугублялась и другими разногласиями между ними. Конфликт достиг кульминации, когда однажды вечером, подавая ужин, Шраванамма принялась распекать Сатьяраджу за какой-то эпизод из их жизни, жестко осуждая его линию поведения. Несправедливые упреки мачехи задели юношу за живое. Он встал из-за стола, не доев свой ужин, объявил, что намерен сейчас же вернуться в Адиварапупету, и поклялся, что ноги его больше не будет в доме мачехи. Сатьяраджу собрал свои пожитки и вышел за порог. На улице начался ливень, поэтому юноша вынужден был задержаться до утра. Однако, поскольку он поклялся никогда больше не возвращаться в дом мачехи, пришлось ночевать на открытой веранде. Шраванамма уже раскаивалась в своем поведении. Она вышла на веранду и стала просить прощения у Сатьяраджу, зовя юношу войти в дом и с удобством расположиться на ночлег в его комнате. Но Сатьяраджу не поддавался на уговоры мачехи и в ответ лишь повторил свою клятву, что ноги его больше не будет в ее доме.

Сатьяраджу навсегда покидает мачеху

На следующее утро чуть свет Сатьяраджу пешком двинулся в Адиварапупету. Приблизившись к реке Годавари, он вдруг осознал, что у него нет денег, чтобы заплатить за переправу. Вопрос о том, чтобы вернуться, вообще не стоял, поэтому он стал думать, как бы решить эту проблему. Подчинившись порыву, он снял рубашку и решил предложить ее лодочнику в качестве платы. И в тот же миг ему улыбнулась удача: мальчик нашел на дороге монетку в одну *анна*⁶ – ровно столько стоила переправа. Итак, одной заботой стало меньше, и Сатьяраджу радостно продолжил свой путь.

Молодой человек прекрасно понимал, что, помимо мамы и дедушки, все остальные родственники не одобряют его решение оставить мачеху и вернуться домой. Поэтому Сатьяраджу не пошел сразу в Адиварапупету, а решил вначале заглянуть в Дракшарам. Он глубоко верил в Бхимешвара Махадэва – бога-покровителя Дракшарама – и был очень предан ему. Поэтому вполне естественно, что именно к нему – своему *ишта дэве* — он обратился в трудную минуту. Мальчик пришел к Бхимешвар-лингаму и обратился с безмолвной мольбой к Господу, прося, чтобы Он помог родственникам понять, что заставило мальчишку уйти из дома мачехи. Когда ему подумалось, что Господь выслушал и принял его молитву, Сатьяраджу возобновил свой путь в Адиварапупету. Как он и предполагал, дядя и другие родственники были очень недовольны, когда узнали, что он ушел от мачехи и вернулся в деревню. Но, к счастью, юноша нашел союзника в своем дедушке, который, выслушав рассказ внука, заключил, что Сатьяраджу поступил правильно. Таким образом, благодаря заступничеству деда Сатьяраджу смог противостоять давлению всех остальных родственников. Вскоре Шраванамма явилась в Адиварапупету и стала умолять мальчика вернуться к ней, но ни мольбы, ни угрозы не поколебали его решимость соблюсти клятву «ноги моей больше не будет в ее доме». Понемногу давление окружающих, желавших отправить его обратно в Бандаруланку, ослабло, и он смог, наконец, спокойно жить себе в Адиварапупете.

⁶ 1/16 рупии. – Прим. перев.

Свой бизнес – табачная лавочка

С самого детства Сатъяраджу страстно желал вытащить свою семью – в особенности маму – из болота нищеты. Но скоро юноша понял, что традиционное семейное ремесло не принесет того богатства, о котором он мечтал. На деле, несмотря на то, что все члены семьи (включая достаточно взрослых детей) изо дня в день рабски трудились за ткацким станком, семья едва сводила концы с концами. Сатъяраджу часто размышлял об этом. Вместе с тем, как мы уже говорили выше, он довольно рано понял, что бизнес дает возможность быстро встать на ноги и достойно зарабатывать себе на жизнь. Памятуя об этом, мальчик постоянно держал нос по ветру, готовый ухватиться за любую реальную возможность открыть свой бизнес. Вернувшись в этот раз из Бандаруланки, Сатъяраджу узнал, что один мальчишка из его деревни открыл лавку, торгующую *биди*⁷. Начальные вложения этого мальчишки составили всего лишь двадцать пять рупий, а теперь его бизнес явно процветал. Тогда Сатъяраджу решил открыть такую же лавку и, по своему обыкновению, обсудил свой замысел с дедушкой. Однако Голи Сатъяму эта идея не понравилась, поскольку он считал, что держать табачную лавку – недостойное занятие для члена его семьи. Дедушка сказал Сатъяраджу, что если уж он хочет заняться бизнесом, то ему следует торговать тканями, ибо это более подобающая профессия для человека из сообщества деванга... тут Голи Сатъям заметил, что давно уже мечтает именно о таком будущем для своего внука.

Сатъяраджу с огромным уважением относился к мнению деда, и тот факт, что старик не одобрил его план, стал неожиданностью для юноши, весьма обескураживающей к тому же. Тем не менее Сатъяраджу не отказался от мысли о табачной лавочке и продолжал строить соответствующие планы. Однажды, как раз тогда, когда он был погружен в эти свои проекты, юноша нашел на дороге медную монетку. Найти монетку в такой момент считается хорошим знаком – верным предвестием удачи. С этой мыслью Сатъяраджу поднял денежку, почтиительно прикоснулся ею к своим глазам и продолжил свой путь, а шел он играть в шарики с мальчишками. То ли под влиянием счастливой монетки, то ли просто удача повернулась к нему лицом, но Сатъяраджу был в тот день непобедим, к концу игры он выиграл шариков на пять рупий. Мальчик продал шарики и, положив деньги в карман, отправился напрямик в Дракшарам, в храм Бхимешвара Махадэва. С глубочайшим почтением склонившись перед своим ишта дэвой, юноша стал истово молить Господа о том, чтобы Он даровал ему успех в избранном деле – открытии табачной лавки. Затем он вернулся домой и таки начал свой бизнес, используя в качестве стартового капитала те самые пять рупий. Дела его с самого начала пошли в гору, и очень скоро сигареты биди стали приносить юнцу намного больше денег, чем он когда-либо мог заработать ткачеством. Более того, его конкурент по каким-то причинам вынужден был свернуть свой бизнес, и все его покупатели перешли к Сатъяраджу. Он получал весьма изрядную прибыль и регулярно делился своими деньгами с мамой и дедушкой, чем несказанно их радовал. Возражения и предостережения по поводу открытия табачной лавки, которые озвучивал ранее Голи Сатъям, вскоре забылись. Сатъяраджу, конечно же, очень радовался успеху своего предприятия и планировал дальнейшее расширение бизнеса. Дни Сатъяраджу протекали счастливо. Скоро ему исполнилось четырнадцать лет.

⁷ Биди – разновидность сделанных вручную дешевых сигарет, популярных в Индии. – Прим. ред.

2. Посвящение в тапас

Посвящение – воскресенье, 7 августа 1949 года

В воскресенье, 7 августа 1949 года (Шравана Шукла Чатурдаши Виродхи Самватсары), Сатьяраджу было ровно четырнадцать лет, шесть месяцев и четырнадцать дней. Ничто прежде не предвещало необычайных событий того достопамятного дня, в результате которых обычный деревенский мальчишка превратился в *бала-йоги* (мальчика-йогина), которому в конечном итоге, после 12-летнего тапаса, предстояло стать *сиддха-пурушей*⁸ и *дживан-муктой*⁹, который известен миру под именем Шри Шри Шри Шивабалайоги Махарадж, а ученикам и последователям под именем Шри Свамиджи. Лучше всего описать события того дня словами самого Шри Свамиджи:

Накануне того великого события – в субботу, 6 августа 1949 года, – в сознании моем возникло некое предчувствие событий следующего дня. Я был всецело поглощен мыслями о том, что мне нужно отправиться в Какинаду, чтобы привезти оттуда маму и Нанаджи, дедушку по матери. Поскольку для этой поездки мне нужны были деньги, большую часть дня я обходил своих покупателей, которые были должны мне за приобретенный товар.

В воскресенье, 7 августа 1949 года, я легко позавтракал простоквашей и рисом, после чего отправился поиграть с приятелями. Мы играли в шарики с шести утра до двух часов дня. В тот день у меня была полоса везения, и я выиграл все игры. Приблизительно в два часа я проголодался и решил пойти домой. Выигранные деньги я забрал, а выигранные шарики поделил между друзьями. Затем купил овощей и отнес их домой к своей сестре, чтобы она приготовила обед.

Пока я ждал обеда, ко мне в гости заглянул мой приятель Гангараджу и предложил сходить вместе с ним искупаться в канал Годавари, протекающий вдоль окраины нашей деревни. Я ответил, что проголодался и устал, так что мне не хочется идти. Но Гангараджу настаивал, а поскольку сестра сказала, что обед будет готов не раньше, чем через полчаса, я все-таки согласился пойти с приятелем. Когда мы пришли на дамбу канала, там все еще продолжалась игра в шарики, и мы присоединились. Я снова выиграл. Теперь уже было около трех часов дня, и я проголодался дальше некуда. Я отправился в расположенную неподалеку гостиницу и потратил выигранные деньги на обед – пару штук *вада* и чашечку кофе.

Потом мы возобновили путь к каналу, чтобы, наконец, искупаться. Нам нужно было пройти через рощу из пальмировых пальм. Едва мы туда вошли, на землю сами собой упали три плода. Мальчишки, которые шли вместе с нами, побежали, чтобы подобрать плоды, и, поскольку меня единодушно считали главой нашей маленькой группы, ребята отдали фрукты мне. Плод пальмировой пальмы можно легко разделить на четыре равные части. Поскольку всего нас было двенадцать, включая меня самого и Гангараджу, я смог легко разделить плоды на всех, выдав каждому по кусочку.

Отведав вада в гостинице, я там же зажег одну из своих сигарет биди, и я еще продолжал курить ее, когда делил плоды. Держа сигарету в зубах, я очистил пальмировый плод, а затем стал выдавливать из него сок. И в этот миг по непонятной причине все мое тело задрожало. Я удивился тому, что со мной происходит, когда вдруг внезапно увидел *джй-*

⁸ Сиддха-пуруша – человек, достигший сиддхи, или Реализации. Реализованная душа.

⁹ Дживан-мукта – тот, кто достиг Реализации еще при жизни.

оти (свет), исходящий из плода в моей руке. Почти в тот же миг плод также стал испускать *омкара дхвани* (звук «Ом»). Зачарованный, я глядел на плод пальмирового дерева, а между тем божественный свет и звук окатывали меня волнами блаженства, в результате чего тело мое перестало дрожать и ум мой погрузился в покой и умиротворение. По мере того как я продолжал наблюдать этот странный феномен, плод, находившийся у меня в руке, исчез, и вместо него я увидел *шивалингам*. Этот шивалингам был черным, приблизительно фут-полтора в высоту. Все это время продолжал звучать *омкара шабад* (звук «Ом»), а шивалингам испускал все тот же ослепительный свет. Я неотрывно смотрел на этот шивалингам, и вдруг он раскололся пополам. Две половинки распались (полагаю, что в этот же момент из моей руки выпал плод пальмиры), и я увидел стоящего передо мной человека в одеянии *джангам дэвара*¹⁰. Человек был более семи футов¹¹ ростом и обладал сильным, ладно сложенным и пропорциональным телом. Темнокожий, с необычайно красивым лицом и большими выразительными глазами. Его длинные *джата* (спутанные волосы, какие носят йогины) были собраны на макушке, как их носили *риши* древности, на шее было надето ожерелье из семян *рудракиши*, также на его широкой груди покоился маленький шивалингам, висевший на шнурке. Еще он носил белое дхоти, опять-таки надев его в такой манере, как его носили древние *риши*. Он испускал яркое сияние, затмевавшее собой все вокруг. Я мог видеть лишь этого йогина, озаренного светом, и ничего более. Йогин обратился ко мне на телугу – предложил сесть. «Почему вы хотите, чтобы я сел?» – спросил я. Но йогин только повторил свой приказ, чтобы я сел. И я сел. Тогда он велел мне сесть в *падмасану* (поза лотоса). Я ответил, что не умею сидеть в падмасане. Тогда йогин сложил мои ноги должным образом так, чтобы я сидел в падмасане. Затем он велел мне закрыть глаза. Я снова стал возражать: «Почему вы хотите, чтобы я закрыл глаза?» Он повторил: «Закрой глаза, и узнаешь, зачем». Едва я закрыл глаза, он прикоснулся средним пальцем к моей точке *бхрикути* (точка на лбу между бровей) и легонько похлопал меня по голове. Мое внешнее сознание тут же отключилось, и я ушел глубоко в *самадхи*¹². Я совершенно перестал осознавать собственное тело и все вокруг: все, что я видел теперь, был тот же самый озаренный ослепительным светом черный шивалингам, который ранее появился в моей руке, и все, что я слышал, был *омкара дхвани*. Мой ум всецело погрузился в это видение и этот звук, отрешившись от всего остального.

Любопытно заметить, что, пока разворачивалась эта духовная драма, все другие мальчишки, товарищи Сатъяраджу по играм, ничего не видели и не слышали. Они с аппетитом поедали плоды пальмировой пальмы или просто играли в свои игры. Однако довольно скоро они обратили внимание, что Сатъяраджу сидит в сторонке с закрытыми глазами в йогической позе. Ребята поначалу подумали, что это такая игра – дескать, он изображает из себя садху, – и стали над ним подтрунивать. Поскольку Сатъяраджу не реагировал на их реплики, мальчишки стали вести себя настойчивее – даже грубо. Некоторые пытались вывести его из падмасаны, другие просто отвешивали ему тумачи. Он оставался неподвижен. Тогда они перемазали его тело соком плода пальмировой пальмы и илом, принесенным из канала. Когда Сатъяраджу не отреагировал даже на это, ребята просто перетащили его к каналу и усадили в воду. Но Сатъяраджу просто не осознавал всех этих проделок, совершаемых товарищами, а поэтому по-прежнему никак не реагировал. В какой-то момент ребятам стало понятно, что Сатъяраджу вовсе не играет с ними, но вместе с тем не могли понять, что на него нашло. Его бессознательное и словно бы даже безжизненное состояние их напугало. Забеспокоившись,

¹⁰ Джангам дэвары – община садху, последователей Шивы, которые стараются подражать ему внешним видом и поведением.

¹¹ 1 фут – 30,48 см. Таким образом более 7 футов – более 2 м 10 см. – Прим. перев.

¹² Сверхсознательное состояние. См. главу 7.

как бы их не обвинили в том, что это они довели его до такого, ребята смыли всю грязь, которой измазали тело приятеля, вынесли его из канала и усадили на дамбу. Затем побежали домой и сообщили родственникам о странном и необъяснимом состоянии Сатьяраджу.

Тут нужно напомнить, что мама и дедушка Сатьяраджу на тот момент были в отлучке – в Какинаде. Поэтому, когда мальчишки принесли весть о случившемся в деревню, на дамбу, где сидел погруженный в самадхи Сатьяраджу, отправился его дядя в сопровождении еще четырех или пяти человек. Крайне озадаченные, эти люди просто застыли на месте и тарасились на юношу, не зная, что предпринять. Затем один из них – человек по имени Гора Маллана – предположил, что юношей овладел какой-нибудь призрак или злой дух. Чтобы изгнать этого мнимого духа, он принялся колотить юношу деревянной дубинкой, которую принес с собой. При этом он случайно ударил Сатьяраджу по тому самому месту на лбу, куда совсем недавно прикоснулся божественный гуру. В результате этого удара глубокое самадхи Сатьяраджу прервалось, и к нему в некоторой степени возвратилось сознание – в достаточной мере, чтобы он смог отдать себе отчет в том, что вокруг собрались люди. Вместе с тем перед его взором все еще оставался озаренный светом шивалингам, который не позволял ему видеть достаточно ясно. Он еле-еле узнал в одном из собравшихся вокруг него людей своего дядю и попросил, чтобы тот дал ему дхоти вместо шортов, в которые юноша был одет. Дядя дал ему отрез материи, который захватил с собой, и, когда Сатьяраджу поднялся на ноги, чтобы должным образом обернуть вокруг себя эту ткань, двое из пришедших подхватили его под руки, после чего кое-как доставили домой. Все это время люди, которые пришли за юношей, докучали ему всевозможными вопросами, силясь понять, в чем причина его странного состояния. Кто-то допытывался, не овладел ли мальчиком призрак или дух, другие спрашивали, не овладело ли им деревенское божество, а еще кто-то интересовался, не стал ли он садху. Но Сатьяраджу не отвечал. Он весьма смутно понимал, что происходит вокруг, и ум его в любом случае был почти полностью погружен в Божественное Видение шивалингама, который постоянно оставался перед его взором.

Когда вся компания добралась до дома Сатьяраджу, мальчик обнаружил, что ноги его онемели, как деревянные, и он не может взойти по ступенькам на веранду. Так что на веранду его пришлось поднять на руках, но когда люди попытались внести юношу в дом, ноги его уперлись в дверной проем, так что пронести его внутрь не удалось, несмотря на любые старания. Тщетные попытки преодолеть дверь продолжались более часа, затем, наконец, родственники сдались и решили усадить его на веранде, – но даже это им удалось с немалым трудом. Тем временем весть о случившемся разлетелась по деревне, и к дому стали стекаться люди – посмотреть на Сатьяраджу. Они осыпали юношу теми же вопросами, которые ему уже задавали ранее, а не получив никакого ответа, начали сами выдвигать разные предположения, судача между собой. Кто-то твердил, что мальчиком овладел некий оккультный дух. Другие диагностировали истерию. Третьи вообще отказывались относиться к событию серьезно, твердя, что юнец просто забавляется – морочит людям голову. Лишь один из собравшихся, кажется, приблизительно догадался, что в действительности происходит с Сатьяраджу. Это был шестидесятилетний *хариджанин*¹³ по имени Педдакамараджу, высказавший смелое предположение, что Сатьяраджу в результате какого-то божественного воздействия превратился в йогина.

Хотя в результате этих непредвиденных обстоятельств Сатьяраджу пропустил свою дневную трапезу, и хотя он был очень голоден в тот момент, когда отправлялся купаться на канал, теперь голод отступил. Юноша совсем не хотел есть и от предложенной ему пищи отказался. Тем не менее родственники настояли, чтобы он выпил немного молока. Первое яркое впечатление начало понемногу блекнуть, и к 8 часам большинство людей ушли домой,

¹³ Хариджане – члены неприкасаемых каст в Индии. – Прим. перев.

хотя некоторые, наиболее любопытные, остались, чтобы посмотреть, как будут развиваться события дальше. Эти люди сидели возле Сатьяраджу, болтали между собой, но к ночи разошлись и они. Около одиннадцати часов вечера Сатьяраджу, наконец, остался один, все ушли спать. Божественный образ шивалингама, окруженного сиянием, все еще не исчез, и омкара шабад продолжал звучать в его сознании. Сатьяраджу пришло в голову вернуться на дамбу канала — туда, где на него снизошло божественное переживание. Когда он встал и пошел, проснулся также один из мальчишек, Говинда, и захотел отправиться с ним, но Сатьяраджу сумел от него ускользнуть и сам вернулся на то самое место, где божественный гуру усадил его в позу лотоса. Когда он пришел туда и уселся на землю, юноша обнаружил, что ему не удается закрыть глаза. Однако это не стало препятствием для его *дхьяны*¹⁴, ибо божественное видение оставалось перед ним и тогда, когда глаза его были открыты, и ум его был полностью погружен в это видение. Вскоре после того, как юноша пришел на дамбу, начался сильный дождь, который шел всю ночь напролет, однако Сатьяраджу не обращал на него внимания. Несмотря на то что юноша промок до нитки, ему и в голову не пришло переместиться в какое-то другое место, чтобы укрыться от ливня.

¹⁴ Хотя «дхьяна» обычно переводят как «медитация», это слово не в полной мере передает значение данного термина. Подробно мы его обсудим в главе 7.

День второй – понедельник, 8 августа 1949 года

На следующее утро, а именно в понедельник, 8 августа 1949 года, мальчик-хариджанин по имени Пентапатти Вирааджу принес Сатъяраджу немного молока, которое юноша принял и выпил. Вскоре односельчане, которым было любопытно, что творится с Сатъяраджу, пришли к нему домой, но, не обнаружив юношу там, отправились на дамбу, где он и был. Увидев, что мальчик промок под дождем, они перенесли его к дереву баньян неподалеку от деревни и усадили под сенью. Затем они установили над ним зонтик из листьев пальмировой пальмы, чтобы уберечь от дождя. Все это время Сатъяраджу осознавал деятельность, разворачивающуюся вокруг него, но никак не реагировал на происходящее. Поскольку глаза его оставались открытыми, он видел людей, суетящихся вокруг, но они представлялись ему всего лишь теньями, мельтешащими на фоне ясного образа, который прочно утвердился в поле его зрения. Если какие-то лица все же попадали в фокус, он лишь смутно припоминал, что где-то их видел, но не мог вспомнить имен, и ему даже в голову не приходило, что они могут быть его друзьями, родственниками, односельчанами... ибо единственное, что имело значение, – это тот факт, что прикосновение божественного гуру удалило из ума все мысли такого рода и единым движением разорвало все прежние связи.

Хотя дождь шел целый день, Сатъяраджу этого не замечал. Он сидел под импровизированным навесом из листьев пальмировой пальмы, полностью погруженный в свое видение, не меркнувшее ни на миг. Часов в девять вечера какие-то проходящие мимо мальчики из числа хариджан, услышали звук омкара дхвани, исходящий от того места, где сидел Сатъяраджу. Не понимая, что это за странный звук, они побежали в деревню и рассказали о нем односельчанам. Некоторые люди пошли разобраться и тоже услышали омкара дхвани, исходящий от юноши. Звук был слышен приблизительно три четверти часа, и все это время селяне стояли в стороне, слушая в благоговейном молчании. Наконец, когда звук утих, они осмелились подойти к Сатъяраджу, подняли его и отнесли домой.

Дома сестра дала ему молока. После того как юноша выпил молоко, божественный трепет, объявивший его ум, несколько ослаб – ослаб до такой степени, что Сатъяраджу захотел спать и отправился в постель. Он и не знал, что это был последний раз, когда он сможет достаточно долго поспать за ближайшие годы: все последующие двенадцать лет, пока продолжался тапас, Сатъяраджу почти не спал. Порой он впадал в дрему на несколько минут во время перерывов в самадхи, но и тогда не покидал своего места, или *асаны*, – ни разу не ложился спать на протяжении всего тапаса!

День третий – вторник, 9 августа 1949 года

После освежающего ночного сна Сатъяраджу встал приблизительно в половину седьмого и съел легкий завтрак из *идли* и *чатни*, приготовленный для него сестрой. Когда он завершил завтрак, его сознанием снова завладело божественное видение озаренного светом шивалингама и звук омкара дхвани, после чего юноша опять отправился на дамбу канала, где божественное переживание овладело им впервые. Придя на место, он ощутил сильнейший физический дискомфорт, затем началась рвота и диарея. Пока ему было плохо, за ним присматривал его приятель Говинда, увязавшийся за ним. Вскоре Сатъяраджу снова погрузился в созерцание божественного видения.

Позже тем же утром на дамбу канала пришла одна женщина из деревни, твердо уверовавшая, что Сатъяраджу теперь стал бала-йоги. Она совершила поклонение, зажгла благовония и возложила цветы, а также принесла кокос в качестве подношения. Завершив ритуал поклонения, женщина взяла кусочки кокоса и совершила *прасад* (священное подношение). Позже тем же утром селяне по собственному почину решили под ближайшим деревом баньян соорудить для Сатъяраджу *пандал* (тент) из листьев пальмировой пальмы. Работа над пандалом была завершена приблизительно в половине четвертого. Затем эти люди приблизились к Сатъяраджу и пригласили его обосноваться под нововозведенным пандалом. Сатъяраджу принял приглашение и занял приготовленное для него место.

Приблизительно в половине шестого вернулись из Какинады мама и дедушка Сатъяраджу. Когда им сообщили о странных событиях последних двух дней, они очень встревожились и немедленно отправились на дамбу, чтобы лично увидеть, как обстоят дела. Прибыв туда, они обнаружили Сатъяраджу сидящим возле дерева баньян, под пандалом из листьев пальмировой пальмы. Он был погружен в самадхи. Встревоженные, Парватхамма и Голи Сатъям стали наперебой звать мальчика по имени, но он не откликался. Сатъяраджу был отрешен от внешнего мира и не осознавал присутствия родных. Увидев своего сына в таком состоянии, Парватхамма потеряла власть над собой и впала в истерику: она рыдала в голос, прижимала мальчика к груди и причитала, вопрошая, что же могло такое произойти, что довело его до этого состояния. Стенания и всхлипывания матери постепенно вернули Сатъяраджу в состояние, когда он стал осознавать окружающую действительность. Увидев, что сын, наконец, заметил ее присутствие, Парватхамма стала молить его, обливаясь слезами, чтобы он вернулся домой. Ум Сатъяраджу на тот момент уже полностью отрешился от любых мирских взаимоотношений, так что слезы и мольбы матери не тронули его. Он спокойно сообщил ей, что начал божественный поиск и теперь не сойдет с этого благословенного пути – не вернется домой. Сказав это, он снова погрузился в отрешенность, и никакие просьбы, никакие протесты матери его не смягчили. Осознав, что внук твердо решил идти новым путем, дедушка благословил его и сказал, что это, несомненно, достойный выбор, а поэтому юноша должен твердо придерживаться избранного пути. В то же время он не смог удержаться и от того, чтобы высказать свое разочарование. Он сказал, что видел в нем надежду для всей семьи и рассчитывал на его поддержку в старости. А теперь выходит, что позаботиться о них некому. В ответ Сатъяраджу заверил деда, что у родни не будет никаких проблем, финансовых или иных... все у них будет хорошо.

После этой краткой беседы Сатъяраджу закрыл глаза и снова погрузился в самадхи. Объятая горем мать, однако, и помыслить не могла о том, чтобы оставить его сидеть там одного, а самой вернуться домой. Она просто не знала, что делать дальше... не знала, как разрешить эту странную ситуацию, а поэтому просто села рядом, растерянная и безутешная. Время от времени она бросала взгляд на сына, а потом начинала тихо плакать, зарывшись лицом в свое сари. В один из моментов, когда она подняла взгляд на Сатъяраджу, перед ее

взором внезапно возникла яркая вспышка, в которой явился чарующий образ *Тримурти*¹⁵. Решив, что это галлюцинация, женщина закрыла глаза, потерла их и снова открыла. Видение было на месте – ослепительно великолепное и завораживающе прекрасное. И теперь, куда бы она ни посмотрела, везде видела только Тримурти, и ничего более. Как долго это продолжалось, она не знает, ибо само время как будто бы застыло на месте. Это видение помогло ей осознать, что сын находится под божественной защитой и ей не нужно о нем волноваться. Ее растревоженный ум обрел покой, и женщина вернулась домой, радостная и удовлетворенная.

¹⁵ Тримурти – образ Бога, проявленного в виде индуистской троицы – Брахмы, Вишну и Махешвары (Шивы).

Первые трудности

Хотя божественное видение и принесло Парватхамме утешение, ее материнское сердце все еще тревожилось о благополучии Сатьяраджу, и поэтому она поначалу пыталась подкармливать его и ухаживать за ним. Однако Сатьяраджу отказался принять заботу матери, и дошло до того, что стал просить, чтобы она вообще не приходила. Это очень опечалило Парватхамму, но она вынуждена была смириться. На этом этапе заботиться о молодом йогине стал Гора Маллана, чей дом находился неподалеку от места, где сидел бала-йоги. Хотя Гора Малланой руководили самые добрые намерения, он совершенно не разбирался в духовных материях. Тут уместно будет вспомнить, что именно он пробудил Сатьяраджу из его изначального состояния самадхи, когда стукнул по лбу дубинкой, руководствуясь ложным предположением, будто юношей овладел злой дух. А теперь этот Гора Маллана припомнил, как кто-то когда-то рассказал ему, что риши древности, совершая тапас, черпали силу из одного только *ваю* (воздуха). Вот он и посоветовал Сатьяраджу поступить так же. Юноша согласился. Тогда Гора Маллана стал постепенно сокращать количество молока и фруктов, которые употреблял Сатьяраджу. В конце концов Гора вообще перестал приносить ему пищу — отныне Сатьяраджу совсем не ел. Когда Парватхамма услышала об этом, она очень обеспокоилась, взяла немного молока, отправилась к сыну и стала уговаривать его выпить. Тронутый мольбами матери, Сатьяраджу выпил принесенное ею молоко. Это очень рассердило Гору Маллану, который принялся его распекал: «А если я мяса принесу, ты его тоже съешь?» Бала-йоги посмотрел на него спокойно, а потом мягко ответил: «Да. Если ты поднесешь мне его с чувством *бхакти* (любви), то съем». Гора Маллана, однако, не успокоился и рассержено потопал домой, бросив на прощание, что больше он не желает иметь с этим йогиним ничего общего. С того дня он не только перестал оказывать те маленькие услуги, которые прежде оказывал йогину, но стал активно осмеивать его.

Странный, но непреложный факт: когда искатель вступает на духовный путь, он неизменно встречает немало очернителей, которые ставят ему палки в колеса. Это случилось и с Сатьяраджу. Хотя приходящие к нему люди в большинстве своем признавали в юноше бала-йоги и относились к нему с почтением, были и такие, кому не удавалось разглядеть свет этого человека. Движимые завистью, а возможно и просто злобой, они подвергали погруженного в самадхи юного йогина всевозможным издевательствам, особенно когда рядом не было никого, кто мог бы пресечь безобразие. Когда от Сатьяраджу в раздражении ушел Гора Маллана, о юноше стала заботиться его мать, Парватхамма. Между тем она не могла находиться рядом постоянно, и стоило ей отправиться домой, как к нему пробирался кто-нибудь из мальчишек, которые издавна боялись и ненавидели Сатьяраджу, но прежде не решались открыто выказывать свое враждебное к нему отношение, а теперь получили возможность измываться над ним в свое удовольствие. Однажды какой-то особенно злонамеренный тип пропитал тряпку керосином, поджег ее и швырнул в сидящего в самадхи бала-йоги. Поскольку Сатьяраджу в тот момент был полностью отрешен от тела, он даже и не заметил ничего, а поэтому горящая тряпка оставила сильные ожоги на его руках и ногах. Но бала-йоги продолжил свой тапас, не обращая внимания на мучительную боль от ожогов. Когда весть об этом происшествии разошлась по деревне, один добрый старик приготовил лечебную мазь. Он ежедневно навещал йогина и обрабатывал ожоги мазью, пока йогин невозмутимо сидел в состоянии самадхи, после чего спокойно возвращался домой. Благодаря заботам этого доброго старика ожоги постепенно зажили, однако шрамы на теле йогина остались до конца его жизни.

Хотя большинство людей к этому времени уже поверили, что Сатьяраджу действительно погрузился в тапас, оставались, как водится, и скептики, которые вообще насмеха-

лись над этой формой подвижничества как таковой. В числе таких людей был мужчина по имени Дора Вираараджу, живший в Адиварапупете. Дора Вираараджу поставил себе за цель разоблачить бала-йоги, и с этой целью он заручился поддержкой своего приятеля, Чинты Суранны, пандита-аюрведиста родом из Сомешвары, что близ Рамчандрапурама. Однажды вечером эти двое пришли туда, где под пандалом из листьев пальмировой пальмы сидел бала-йоги, якобы для того, чтобы получить его *даршан*, и дождались, пока остальные посетители разойдутся. Как только они остались с бала-йogi наедине, Чинта Суранна, желая проверить интенсивность самадхи йогина, расплел ноги Сатьяараджу, чтобы нарушить падмасану. Ему удалось расплести ноги, но потом они так и застыли в том положении, в каком он их оставил. Затем он попытался вывести йогина из состояния самадхи, разомкнув веки на одном его глазу своими пальцами. Веки на этом глазу тоже так и остались полуоткрытыми, но состояние йогического самадхи прервать не удалось. Поскольку Суранна кое-что смыслил в таких вещах, он теперь убедился, что самадхи юноши подлинное, так что ему стало неловко от собственных действий. Тогда он попытался сомкнуть полуразомкнутые веки юноши и сложить его ноги обратно в падмасану, но ничего из этого не вышло, несмотря на долгие усилия. Наконец, когда йогин все же вышел из состояния самадхи, Суранна упал к его ногам и стал молить о прощении за то, что сделал. Бала-йogi улыбнулся и легко простил этого человека. На следующее утро Суранна посетил Парватхамму. Он сказал женщине, что ее сын – махатма, и просил ее заботиться о нем как подобает.

Временное прибежище в ашраме Пасалапуди

Бала-йоги терпел издевательства в течение двух месяцев. Он не допустил, чтобы эти досадные события прервали его тапас, однако они, в конце концов, стали нарушать покой его ума. Он то и дело воздерживался от погружения в самадхи, чтобы мучители не воспользовались его бессознательным состоянием и не подвергли его новым издевательствам. В таких случаях, когда Сатьяраджу пребывал в состоянии глубокой дхьяны, но не самадхи, ему нередко удавалось поймать людей, которые намеревались побить его, ошибочно полагая, что он погружен глубоко в самадхи. Испуганные злодеи в таких случаях молили о прощении, и юноша их отпускал. Как бы там ни было, но ему, наконец, все это стало невмogu, и он решил перебраться в какое-нибудь такое место, где можно осуществлять тапас без помех. Перебирая в уме места, где он мог бы спокойно погрузиться в себя, Сатьяраджу вспомнил, что слышал об *ашраме* в Пасалапуди, деревне приблизительно в восьми километрах от Адиварапупеты. Говорили, что там живет некий садху, погрузившийся в тапас. В надежде, что в этом ашраме он найдет то, что ему нужно, юноша одним октябрьским вечером, в десять часов, отправился в Пасалапуди. Это случилось менее чем через два месяца после того, как начался его тапас. Сатьяраджу отыскал этот ашрам, но едва он вошел, как садху, находившийся внутри, стал издавать странные звуки. По-видимому, садху подумал, что в ашрам хочет тайком проникнуть какой-то юный бродяжка, и попытался так отпугнуть его. Бала-йоги же, со своей стороны, предположил, что садху издает эти звуки потому, что не хочет, чтобы его беспокоили, а поэтому Сатьяраджу покинул помещение и уселся снаружи. Так получилось, что именно в эти дни по деревням в той местности шастали коммунистические бандформирования, терроризируя сельских жителей. Чтобы защитить себя, жители деревень собирали дозоры из вооруженных мужчин, которые патрулировали окрестности, задерживая всяких подозрительных типов, шатающихся поблизости. Один из таких дозоров, проходя мимо ашрама, заметил снаружи этого юношу – явно не местного. Они окружили Сатьяраджу и принялись его допрашивать. Бала-йоги пребывал в таком состоянии сознания, что не вполне понимал, что происходит, и уж точно не мог связно отвечать на вопросы. Странное поведение юноши вызвало подозрение у деревенской стражи, и ситуация уже едва было не начала развиваться как-то совсем некрасиво. Но, к счастью, в какой-то момент один из мужчин признал в юноше бала-йоги из Адиварапупеты. Когда дозорные узнали, что бала-йоги приехал в Пасалапуди, чтобы остановиться в ашраме, они позвали управляющего ашрамом и провели бала-йоги внутрь. Разместив молодого йогина, управляющий спросил его, какую *садхану* тот практикует. Бала-йоги не мог дать вразумительного ответа, поскольку изначально он погрузился в самадхи спонтанно. Поэтому он просто ответил:

– Я не знаю.

– Если так, – напыщенно произнес управляющий, – тогда я проведу для тебя посвящение. Отныне непрестанно повторяй *мантру* «Садгуру».

С этими словами он покинул юношу и отправился обратно к себе в постель. А бала-йоги, оставшись, наконец, в одиночестве там, где ему никто не мешал, снова погрузился в самадхи. На следующее утро управляющий навестил бала-йоги и спросил, выполняет ли тот *джану* (повторение) мантры, которую он ему передал. Бала-йоги ответил отрицательно, чем изрядно рассердил управляющего.

Карри Субхи Редди, который являлся председателем деревенского совета и заодно присматривал, как идут дела в ашраме, позднее тем утром заглянул в ашрам. Увидев его, живущий в ашраме садху почтительно поднялся и совершил *намаскар*. Он велел сделать так же и бала-йоги, но бала-йоги, казалось, ничего не замечал, полностью погруженный в дхьяну. Редди был преисполнен чувства собственной важности, а поэтому такое пренебрежительное

отношение со стороны юноши его обидело. Едва сдерживая раздражение, он резко спросил, какой диеты тот придерживается. Бала-йоги ответил, что питается только молоком. Тогда председатель безапелляционно заявил, что молока для него нет, а поэтому юноше больше не следует оставаться в ашраме. Видя такое отношение со стороны администрации ашрама, бала-йоги понял, что тут ему совсем не рады, а поэтому решил вернуться в Адиварапупету. Он пустился в путь в сумерки, и к десяти часам вечера вновь оказался в родной деревне – после 24-часового отсутствия. Вернувшись в деревню, он не пошел на свое прежнее место. Вместо этого Сатьяраджу уселся под деревом баньян на участке, принадлежавшем его дяде. На следующее утро, когда жители Адиварапупеты узнали, что бала-йоги вернулся, они очень обрадовались, и многие потянулись к нему, чтобы получить даршан.

Буря

Округ Восточный Годавари расположен у моря, а поэтому там часто бывают штормовые циклоны. Один такой шторм необычайной силы обрушился на регион в ноябре 1949 года. Жесточайший ветер с тропическим ливнем разразился приблизительно в половине третьего ночи и неистовствовал до утра. Многие деревья были вырваны с корнем, дома разрушены, огромные территории затоплены, люди – в отчаянии. Во время этого бедствия Мать Парватхамма, естественно, испугалась за сына – и побежала туда, где он сидел, не обращая ни малейшего внимания на бушующую вокруг бурю. Это было весьма безрассудно с ее стороны, и женщина едва не погибла, когда ей на голову упала огромная ветка, отломанная ураганом от дерева. Удар оглушил ее, но вскоре мать пришла в себя и, движимая тревогой о сыне, все же как-то добралась до дерева баньян, под которым сидел бала-йоги. И там она с изумлением обнаружила, что то место, где сидел юноша, оставалось островком покоя посреди бушующей стихии. Бала-йоги был погружен в глубокую дхьяну, и все это неистовство совсем его не трогало. Вокруг него было спокойно и чисто, ни один листок не колыхался под сенью баньяна. Мать Парватхамма испытала облегчение, смешанное с изумлением. Она подошла к сыну и села рядышком. Когда шторм утих и затеплился рассвет, она увидела в свете нарождающегося дня, что рядом с бала-йоги нашли убежище полчища огромных рыжих муравьев, которые буквально облепили тело йогина. Встревоженная, она вскочила на ноги и стала убирать насекомых с его тела, но бала-йоги жестом велел оставить муравьев в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.